

Линейная графика, чернила на бумаге
218 100мм х 150мм, 200г/м²
Принт на бумаге, 200г/м²

Архитектурная графика
Чернила на бумаге
218 100мм х 150мм, 200г/м²
Принт на бумаге, 200г/м²

Цыпленок жареный

Жаклин де Гё

Сухаревский рынок жил своей шумной, крикливой жизнью. Выставленные на продажу примусы громко гудели, показывая недоверчивым покупательницам золотистые, прозрачные на ярком солнце язычки пламени. Торговки выпечкой и лоточники наперебой расхваливали товар, оттепельный ветерок разносил над толпой вкусный запах сдобы. В рядах барахольщиков плескало в глаза разноцветье распяленных на руках кофточек, юбок и женских платков. Невозмутимо восседал над книжным развалом старик букинист, закутанный поверх худого пальтеца в оренбургскую шаль. Две татарки, стоя на брошенной на землю дерюге, оживленно примеряли блестящие, черные, похожие на гигантские семечки галоши. И надо всей этой безостановочно бурлившей мешаниной лиц, красок и звуков возвышался исполинский брусок Сухаревской башни, упирающейся остроконечным навершием в безоблачно-чистый небосвод.

*Цыпленок жареный,
Цыпленок пареный,
Пошел по улицам гулять...*

Тронутый хрипотцой мальчишеский голос, хорошо различимый даже в непрекращающемся базарном гомоне, выводил незатейливый мотивчик задорно и весело. Порой певцу не хватало дыхания. Песенка из-за этого звучала отрывисто, сбиваясь местами на речитатив:

*Его пой-ма-ли, а-ресто-ва-ли,
Велели пач-порт по-ка-зять...*

Неожиданно к пению присоединился другой детский голос. Сильный и звонкий, он сразу вытянул захлебывающуюся на верхах мелодию, добавил в нее щемяще-жалобных ноток:

*Ах, не стреляйте, не убивайте,
Цыпленки тоже хотят жить...*

Первый исполнитель, невысокий худенький беспризорник в обносках с чужого плеча, не прерывая пения, глянул искоса на неожиданного помощника. Другой малец, в такой же износившейся, грязной, не по росту большой одежде, подмигнул и широко улыбнулся. Серо-голубые глаза его казались неестественно большими и яркими на замызганной худой мордашке.

Закончив историю о незадачливом жареном гуляке, мальчишки некоторое время стояли, приглядываясь друг к другу.

— Петь ты горазд, — сказал наконец тот, что начал «Цыпленка». — У меня так и не получится. А сам откуда?

— Тульской губернии. — Второй бродяжка шмыгнул носом, утерся драным рукавом. — А ты?

— Я всегда в Москве жил. Тебя как звать-то? Певун замаялся.

— Сначала сам назовись, — буркнул он.

Новый приятель слегка удивился, но спорить не стал.

— Коська, — сказал он и замолчал выжидательно.

Туляк глянул исподлобья, поправил на стриженной «под ноль» голове сползший на самые брови картуз.

— Нюшкой меня зовут.

Коська отступил на шаг, посмотрел недоверчиво:

— Ты чего, девчонка, что ли?

— Ну да. — Нюшка вздохнула, опять шмыгнула носом. — Теперь водиться не будешь?

Коська подумал, засмеялся, махнул рукой:

— Буду. Поешь хорошо.

В переулке капало с крыш, хрупал под ногами тонкий лед на весенних лужицах. Извозчичья лошадь, фыркая, косила глазом на беспризорников, таких же серых и грязных, как прыгавшие по мостовой московские воробьи.

— А мы сейчас куда? — Нюшка торопливо семенила вслед за Коськой.

— На кудыкину гору. — Мальчишка бросил взгляд через плечо. — Озябла?

— Есть малость.

— Сейчас отогреемся.

Коськиным жильем оказался чердак стоявшего неподалеку от рынка двухэтажного особняка. Забираться туда пришлось с соседних крыш, но при плотной сретенской застройке это было нетрудно: дома и лавки на этой торговой улице лепились стенами друг к другу. Притихшая во время военного коммунизма Сретенка снова ожила — один за другим открывались магазины, появлялись новые вывески, заполнялись товарами витрины.

Через маленькое чердачное окно видны были только квадратик сияющего весеннего неба да узловатая ветка росшего рядом с домом дерева.

— Я много песен знаю. — Нюшка, развалившись на заброшенном тряпьем топчане, с наслаждением жевала по-братски разделенный бублик. — И по-нашему умею, и по-заграничному. У нас граммофон был с пластинками, так я выучила.

— Здорово! — одобрил Коська. — Сейчас поедем, и меня учить будешь. А твои все где?

— Мать родами умерла, отец с германской не вернулся. Как дед помер, так у меня родных никого не осталось, а чужим лишний рот в избе не нужен — своих бы прокормить... на деревне жрать было вовсе нечего, продармейцы все подчистую забирали. Я пожила-пожила у людей, оголодала вконец, попреков наслушалась. Эх, думаю, чем такое терпеть, лучше, как цыгане, по вокзалам петь, — да и уткла.

— Отчаянная! — уважительно протянул Коська. — А вернуться не хочешь? Голод-то кончился уже.

— Чего мне там делать? Нет, я в Москве останусь. Тут, говорят, если петь хорошо умеешь, в театр поступить можно.

— Можно, — подтвердил Коська. — Только нашего брата никуда не берут — воровства опасаются.

— Правильно опасаются, — засмеялась Нюшка. — Наш брат мимо того, что плохо лежит, ни в жизнь не пройдет.

Мальчик взглянул на нее исподлобья, вздохнул.

— Я не ворую, — тихо сказал он. — Мне нельзя. Что за песни подадут, тем и живу.

— Боженька не велит? — Нюшка смотрела насмешливо-недоверчиво.

— Нет, при чем тут... — Коська задумчиво оглядел огурец, с хрустом отъел от него здоровый кусок. — Просто я знатного рода.

— Бреешь! — Девочка во все глаза смотрела на нового знакомого.

— Больно нужно мне тебе брехать, — обиделся тот. — Пес брешет, а я говорю, что есть. Отец у меня был граф, а я, значит, графский сын. Мать у меня за границей, — Коська понизил голос, — в Париже. Недавно через верного человека весточку ей передал. Теперь она знает, где меня искать, и обязательно придумает, как забрать отсюда. Она умная. На всех языках говорит, на фортепьяно играет. И красивая. И добрая. Она меня знаешь как любит? Больше всех на свете. Я ведь у нее один. — Он помолчал и добавил значительно: — Наследник. Нельзя мне вором быть.

Нюшка молча доедала остатки нехитрой трапезы. Вид у нее был слегка обескураженный.

— Так что мне тебя теперь, сиятельством называть? — спросила она чуть погодя.

— Не надо, — великодушно махнул рукою Коська. — К чему такие церемонии, мы же друзья.

— А я все одно буду, — заверила его певунья и засмеялась. — Хочешь, новой песенке научу? От беженцев слышала. Под нее хорошо подают. Жалостливая. Бабы слушают — плачут. «Купите папиросы» называется.

Долговязый худой подросток с лотком остановился возле поющих ребят.

— Всё горло дерете? — хмуро спросил он. — Здорово, Костян.

— Привет, Жердяй, и тебе не хворать. — Коська смотрел настороженно. — Как торговля?

— К моему бы товару да вашу песенку — мигом все продал бы, — хмыкнул Жердяй. — Но и так разбирают. Без еды мужик день проживет и не заметит, а без курева через час невоготу становится. А у вас?

Нюшка кивнула на лежащий на земле картуз с мелочью:

— Подают помаленьку. Кто баранку, кто денежку. День сегодня хороший, люди солнцу радуются.

Жердяй помолчал, переминаясь с ноги на ногу, оглянулся по сторонам.

— Ты, Коська, в Марьину-то давно наведывался? — спросил он.

Нюшкин приятель перестал улыбаться, поскутнел лицом.

— С осени не был, — отрывисто бросил он. — Чего мне там делать? Ты иди, Жердяй, иди. Продавай свою махорку, а нам петь надо.

— А чего, уже и спросить нельзя? Думал, может, передать чего хочешь.

— Нечего мне передавать.

— Тогда наше вам с кисточкой. Пойду торговать дальше. У нас, между прочим, и лучшее махорки товар имеется, — с некоторой гордостью заметил несовершеннелетний частник и, подмигнув Нюшке, наконец улыбнулся. — Не скучай, малая!

Потом поправил лоток и зашагал по Сухаревке, выкрикивая хриплым ломающимся баском:

— Папиросы «Лири» — все, что осталось от старого мира! Коська уныло смотрел ему вслед.

— Слышь, сиятельство, а чего это он у тебя про Марьину Рошу узнавал? — с любопытством спросила девочка.

— Да так, — неопределенно ответил мальчик, пожимая плечами. — Языком почесать захотелось, вот и болтает неведь чего. Петь будем али как?

— Эх, до чего ж хорошая фильма! — Нюшка, все еще под впечатлением от увиденного, тараторила без остановки, гримасничала, оживленно размахивала руками. — А у малыша с бродягой жизнь точь-в-точь на нашу похожа, правда? Как будто подглядел

кто. В конце меня аж на слезу прошибло. Когда тетенька эта дите-то свое в участке нашла, да обняла, да плакать над ним стала — эх, до чего же душевно у них все это вышло... Вот ей-богу, были бы деньги, каждый день в кинематограф ходила бы! На все картины! А на Чаплина — по пять раз!

— Скоро лето будет, сможем в Нескучном бесплатно смотреть, — вяло, словно через силу, ответил Коська. — Там деревья кругом, если залезть повыше, все видно.

Удивленная непривычно тоскливым голосом приятеля, Нюшка тревожно посмотрела на него.

— Не горюй, сиятельство, ты свою маму тоже скоро найдешь, — тихо сказала она, шестым чувством угадав причину Коськиного плохого настроения. — Вот увидишь. Письмо получит и сразу к себе заберет...

Коська слабо улыбнулся, тряхнул головой.

Беспризорники свернули с запруженной пешеходами, извозчиками и дудящими в клаксоны авто Тверской в более тихий Камергерский. Возле одного из особнячков шумная компания рассаживалась по пролеткам: набриолиненные молодые мужчины в светлых летних пальто и лаковых ботинках и девицы, одетые попроще, зато сильно накрашенные, визгливо хохочущие над шутками своих спутников.

Две цветочницы с корзинами, отпихивая друг друга и переругиваясь, торопливо спешили к экипажам в надежде сбыть с рук оставшиеся от дневной торговли ландыши.

— Да не верещите вы, убогие! Давайте сюда ваши цветы, покупаю все!

Один из гуляк — высокий, широкоплечий, сильно подвыпивший — раскрыл портмоне, вытащил, не глядя, несколько купюр, протянул торговкам:

— Держите! Люблю, чтоб красиво! А ну, девочки, разбирай букетики!

Визжавшие от притворного восторга девицы проворно расхватили пучки подвялых белых цветов. Высокий сделал знак возницам, и пролетки, шелестя по брусчатке резиновыми шинами, помчали седоков в сторону Рождественки.

— Что денег-то выбросил! — вздохнула Нюшка, и непонятно было, восхищается она или осуждает. — И было бы за что. Ладно бы розы, а то ландыши.

— Нэпманы, — равнодушно отозвался Коська. — Деньги есть, чего ж не гулять. Заодно теткам коммерцию поддержал... Пойдем поскорее, а то есть так хочется.

Они ускорили шаг.

— Смотри, вроде вечер, а вовсе не холодно... и впрямь уже скоро лето, — опять затараторила Нюшка, стараясь поскорее отвлечь Коську от мрачных мыслей. — На реку будем бегать, рыбу ловить, в прудах купаться... а то по огородам картох нароем да в костре испечем. Летом, сиятельство, жизнь всегда легче.

— Летом в парках хорошо, — подтвердил мальчик. — Публики много гуляет, особенно по выходным, все веселые. Будем по паркам петь.

За разговором не заметили, как проскочили Камергерский, выбежали на Лубянку. Отсюда уже была хорошо видна возвышающаяся вдалеке темная громада Сухаревой башни, похожей на огромный океанский пароход с высоченной трубой, плывущий по морю московских уличных огней. После переулка опять показалось людно, но публики было меньше, чем на Тверской, да и вела она себя потише и посерьезней. На Сретенке лавки уже закрылись, огни в витринах скупо освещали выставленные образцы товаров. Сторожа монументально сидели на табуретах, окидывали недоверчивыми глазами оборванных ребятешек.

Нюшка собиралась свернуть в знакомый тупичок, когда Коська толкнул ее локтем:

— Гляди! Сухаревский звездочет идет!

Со стороны площади по противоположной стороне улицы медленно шел одетый в странную, до самой земли, хламиду человек. Он нес узкий длинный предмет, плохо различимый в неярком свете керосиновых фонарей. Плоская четырехугольная шапка, непохожая ни на один виденный доселе Нюшкой головной убор, была сдвинута чуть назад. Лицо «звездочета» — немолодое, умное, властное, с брезгливо опущенными уголками надменного рта — показалось девочке еще необычной, чем наряд. Словно почувствовав любопытные взгляды, незнакомец вдруг повернул голову и уставился темными, пронзительными глазами прямо на ребяташек. Те, словно испуганные птицы, стремительно сорвались с места и бросились прочь.

Только добравшись до чердака и как следует отдышавшись, девочка наконец спросила:

— А кто он, звездочет-то этот? Чудной какой!

— Не знает никто, — с таинственным видом ответил Коська, затеплил свечу и полез в тайник доставать спрятанные от мышей припасы. — Ты историю про царского колдуна слышала?

— Про Распутина, что ли? — При свете куцега свечного огарка Нюшкины глаза блестели, как елочные шарики.

— Нет, тот царь давно жил, у него свой колдун при дворе имелся, почище Гришки. Все науки знал, снадобья варил, на железном коне вместо ероплана по небу летал, летом пруды замораживал. Сухареву башню у царя выпросил, чтобы оттуда звезды считать и судьбы по ним предсказывать. Смерти сильно боялся, все эликсир вечной жизни изготовить хотел. Книги редкие скупал, чтобы рецепт найти.

— Нашел?

— Говорят, нашел. Только все по-разному рассказывают. Одни говорят, что он все-таки помер, не помог эликсир. Другие — что эликсир-то был хороший, да слуга, которому колдун велел тело свое после смерти обрызгать, по глупости склянку разлил.

— Ой-е-ей!

— Ага... А есть и такие, что верят — не помер колдун, до сих пор по Сухаревке бродит.

— Думаешь, человек этот, что мы давеча встретили, он и есть?!

— Трудно сказать... Про человека этого никто ничего толком не знает — ни имени его, ни откуда взялся, ни где живет. Видят его только ночами, а днем — никогда. Видала трубу, что он с собою носит? Подзорная! Как раз такая, чтобы на звезды смотреть... Слухи ходят, он иногда предсказывает, что в жизни случится. Только это очень редко бывает — он мало с кем говорит. И вообще на людях почти не показывается. Кто-то верит, что он тот самый колдун-звездочет, а другие смеются, за сумасшедшего считают. Спятил, говорят, старорежимный барин от новых порядков.

Мальчишка закончил кромсать тупым ножом хлеб и ливерную колбасу, разделил скудную трапезу на две равные части:

— Налетай, Анютка!

— Граждане-товарищи, господа хорошие! Подходите, не спешите, по стойте, послушайте! За алтын денег — любую песню для вас или вашей барышни! Чего попросите — то и споем!

— А-а-алтын? — протянул насмешливо подвыпивший мастерской. — Побойся бога, комиссар! Таким артистам и копейки хватит!

— Пробовали, дядя, не получается. Память с годами ослабла, за копейку не работает. Один куплет вспомню, а дальше — никак.

— Языкатый! — хмыкнул мужик. — Ну, черт с вами, босота, давайте хоть один куплет. Ту, что про ямщика.

*Ямщик, не гони лошадей, —
чистым, печальным голосом вывела Нюшка.
Мне некуда больше спешить...*

Коська подхватил пение вторым голосом — чуть хрипло, задушевно-грустно, вплеп в мелодию горькой жалобы:

Мне некого больше любить...

— Ох, чертяки, что делают! Что делают, что вытворяют! — Потрясенный мастерской покрутил головой, сунул руку в карман, швырнул в лежащий на мостовой картуз еще пару монет. — Пойте до конца!..

День угасал. Палаточники уже сворачивали свои навесы, толпа на площади заметно поредела, но Коська считал, что уходить еще рано. Трюк с пением на заказ он придумал пару недель назад, убедившись, что Нюшка, кроме удивительного голоса, обладает еще и прекрасной памятью. Она могла в секунду припомнить любую мало-мальски известную песню и, к вящему удовольствию публики, исполнить ее так мастерски, словно репетировала по меньшей мере месяц...

В Москву окончательно пришло жаркое среднерусское лето. Сухой, пахнущий лошаадьми и бензином воздух был горяч и неподвижен. На черных булыжниках Сухаревки белыми волнистыми островками лежал тополиный пух. Гасла между домами светлая закатная полоска, зажигались в окнах огоньки, наливалось сумеречной синевою небо.

— А мне споете? — спросил за спиной низкий, чуть надтреснутый голос.

Беспризорники быстро обернулись, и Нюшка громко ойкнула. Сухаревский звездочет стоял в двух шагах, разглядывая уличных певцов все тем же, так поразившим когда-то девочку, тяжелым взглядом черных пронзительных глаз.

Коська опомнился первым.

— Споем, конечно. Чего послушать желаете? — спросил деловито.

Загадочный человек, по-прежнему глядя только на Нюшку, заговорил медленно, словно беседуя с самим собой:

— Жизнь, если она не кончается вовремя, становится тяжким бременем. Душа должна уходить в полет тогда, когда ей назначено, а не томиться бесконечно в несовершенной телесной оболочке... Я слишком поздно понял это... Можешь ли ты, дитя, спеть такую песню, что позволит моей душе хоть на несколько мгновений сбросить груз вечного земного бытия и воспарить к звездам?

Нюшка кивнула. Необычный заказчик вскинул брови, взглянул на нее с любопытством:

— Ты поняла, чего я хочу? Ну, пой тогда, что же ты медлишь!

Девочка чуть кашлянула, прочищая горло, откинула назад голову, наморщила лоб, вспоминая слышанные давным-давно с патефонной пластинки непонятные слова, и, наконец, запела:

А-аве, Мари-и-ия...

Коська никогда раньше не слышал этой песни. Ему показалось, что все окружающее — и дома, и прохожие, и палатки с продавцами, и трамваи, — все это исчезло, оказалось в другом мире, а здесь была только эта удивительная, завораживающая мелодия. Она плыла над вечерней площадью, поднималась все выше, заставляла забыть обо всем на свете, увлекая за собою в бездонное ночное небо.

Са-а-а-анкта Мари-ия, Ма-тер Де-еи...

Детский голос, наполненный мольбой и надеждой, обрещался к чему-то высшему, могущественному, и казалось, душа человеческая, воплотившись в его нежные звуки, вызывает к нависшему над головами равнодушному звездноглазому мирозданию.

Когда последняя нота Шубертовой молитвы растаяла в воздухе, несколько мгновений никто ничего не говорил. Коська растроганно шмыгал носом. Нюшка, видимо сама не

ожидавшая от себя такого исполнения, растерянно смотрела на звездочета, а тот молчал, и по его непроницаемому лицу невозможно было угадать, понравилась песня или нет.

— Ну так что, дядечка? — не выдержала наконец юная певица. — Исполнила я ваше желание? Если да, гоните алтын!

Выражение глаз человека-призрака изменилось. Что-то мелькнуло в их непроницаемой черноте — то ли брезгливость, то ли жалость...

— Будет тебе алтын, — сказал он и зашарил в складках своей хламиды.

Коську вдруг осенило.

— Не надо алтына! — закричал он. — Желание за желание! Мы ваше исполнили, а вы нам наворожите! Люди говорят, вы судьбу изменить можете.

Звездочет внимательно посмотрел на мальчика.

— Изменить судьбу нельзя, — сказал он очень серьезно. — А вот желание исполнить можно. Только не всегда оно сбывается так, как нам этого хочется. Я когда-то пожелал...

Он осекся, замолчал, опять начал рыться в необъятной накидке.

— Вот, возьмите этот медальон. — В свете фонаря тускло заблестел овальный металлический кулон, качающийся на тонкой цепочке. — Он способен дать своему владельцу то, чего тот хочет. Нужно просто написать просьбу на бумажке и вложить внутрь. Но запомните: желание у каждого из вас только одно! Второе загадывать бесполезно — не сбудется. Поэтому не спешите, подумайте, что для вас действительно важно.

Он опустил кулон на Коськину ладонь. Мальчик и девочка с любопытством разглядывали работу неведомого ювелира. На игравшей золотыми отсветами крышке медальона красовалось изображение большого жука с поджатыми лапками. Жук был сделан так искусно, что казался живым. Зеленые, тщательно ограненные камушки глаз слабо искрились. Коська, напуганный очевидной дороговизной неожиданного подарка, собрался было что-то спросить. Однако когда он поднял глаза, звездочета на площади уже не было.

— Говорил же, надо было в Нескучный идти! — сердито ворчал Коська. — Там гулянье сегодня, а здесь что?

— А здесь тоже... — неуверенно пыталась спорить Нюшка.

— То же, да не то! На гулянье кавалеры перед девками выделяются, песни заказывают, а здесь сегодня одни кухарки с корзинками!

— Ну так кто же знал, что одни кухарки придут? — резонно возразила девочка. — Не сердись, сиятельство, день на день не приходится. А хочешь, сейчас в Нескучный пойдем?

— Не знаю... Поздно уже. Темнеть скоро начнет...

Прошло около двух месяцев с тех пор, как загадочный человек в хламиде подарил беспризорникам медальон. Подарок носил Коська: Нюшка наотрез отказалась загадывать желание первой. «Ты про судьбу спросить догадался, значит, по справедливости, сначала ты должен получить то, что хочешь. — Помолчала и добавила: — И желание твое в сто раз важнее моего». Мальчик сначала спорил, потом вдруг улыбнулся и, оставив пререкания, повесил медальон на шею.

В прилежавших к Сухаревке переулках лежали косые предвечерние тени. Мягкий свет уходящего солнца золотил витрины и крыши домов, бросал на мостовую теплые янтарные блики.

— Нюшк, — вдруг сказал Коська, — а спой еще раз песню... ну, ту самую.

Девочка хотела было возразить, что переулок почти пуст, стоит ли стараться для считанных редких прохожих, но посмотрела на приятеля и поняла, что «сиятельство» просит песню для себя. В последнее время он все чаще беспричинно грустил. Нюшка для себя объясняла это тем, что время идет, а желание никак не сбывается.

— Аве Мария? — уточнила она на всякий случай.

Коська кивнул, сунул руки в карманы и приготовился слушать.

Однако в этот раз Нюшке не дали допеть до конца. Очень немолодой господин в парусиновом костюме, уже почти дойдя до выхода из переулка, после первой же музыкальной фразы замер, потом развернулся и, тяжело опираясь на трость, зашарил к певунье. Его спутница, молодая женщина в красной косынке, укоризненно покачав головой, направилась следом.

— Деточка, где ты этому научилась? — потрясенно спросил пожилой господин, останавливаясь перед Нюшкой.

— Патефон слушала, — охотно объяснила та, довольная произведенным впечатлением.

— Невероятно... На слух с пластинки? Просто не верится!

— Больно надо мне, господин хороший, вам врать, — обиделась Нюшка. — Да я любую песню с одного раза могу запомнить и так вам ее спою, что и патефонные ваши так не умеют!

— Охотно верю, деточка, охотно верю... — пробормотал господин, протирая старомодные очки в круглой металлической оправе. — А скажи, пожалуйста, тебе никогда не хотелось петь со сцены?

Нюшка оторопело уставилась на него:

— Это как артистки, что ли?

— Именно. Хотелось бы тебе самой стать артисткой?

— Скажете! Ясное дело! Только кто ж меня возьмет?

— Дело в том, что мы вот как раз и берем.

— Петр Михайлович! — предостерегающе перебила комсомолка в косынке. — Берем, но не таких же! Вы на него только посмотрите — антиобщественный деклассированный элемент!

Петр Михайлович тяжело вздохнул, снова нацепил на нос очки, посмотрел поверх них на говорившую.

— Как вы любите, Мусенька, ярлыки на живых людей навешивать, — тихо и как-то безнадежно проговорил он. — И слова какие находите — элемент... Это не элемент, а ребенок. Очень грязный, не спорю, даже, если угодно, деклассированный, но невероятно, удивительно талантливый. Такие самородки встречаются один на миллион. Из этой девочки может вырасти великая певица, а оставшись на улице, в кого она в конце концов превратится? Да и подумайте о школе — раз уж решили открыть отделение вокала, у нас должны быть самые лучшие, самые одаренные вокалисты!

Муся скептически посмотрела сначала на старика, потом на будущую «великую певицу», но спорить не стала.

— Как тебя зовут? — сухо, по-деловому спросила она у девочки.

— Нюшка, — растерянно ответила та, чувствуя, что происходит что-то не совсем понятное, но очень важное.

— Анна, значит. — Муся кивнула, словно ожидала именно такого ответа. — А фамилию свою знаешь?

— Четверикова.

— Молодец. Значит, так, Четверикова. Если хочешь быть зачисленной в музыкальное училище, до первого сентября чтоб явилась ко мне, я оформлю тебя и на учебу, и на проживание. Поняла?

— Это на Собачьей площадке которое? — неожиданно вмешался Коська. — То, где при старом режиме барышень учили на фортепианах играть?

— Именно, — подтвердил Петр Михайлович. — Только теперь там, кроме фортепиано, еще и пению учат.

— А паек ей выпишут?

— До чего же практичное поколение! — вздохнул старик. — Не сомневайтесь, молодой человек. Непременно выпишут паек.

— Соглашайся, Нюшка, — одобрил Коська. — Раз с пайком, значит, солидная школа, не жулье какое-нибудь.

— Я без тебя не пойду! — замотала головой девочка. — Возьмите его, пожалуйста, он тоже поет хорошо!

Петр Михайлович растерянно посмотрел на Мусю. Та сделала энергичный жест:

— Профессор, ну вы же сами должны понимать, нам не дадут его оформить. У девочки и правда данные есть, а пацана-то куда? На инструментальный по возрасту уже поздно, на вокал — вот-вот голос ломаться начнет.

— Так что же теперь? — беспомощно спросил профессор. — Оставить его голодать на улице?

— Пусть идет в детприемник для обычных бродяжек, безголосых, — отрезала комсомолка. — А у нас не богадельня. Дать тебе адрес моей ячейки, мальчик? Там скажут, куда пойти.

— Не надо, — угрюмо ответил Коська. — Знаем мы ваши приемники. Слышали. Перебьюсь.

— Ну, как хочешь, — пожала крепкими плечами Муся. — А ты, Четверикова, не забудь — до первого сентября! Идемте, Петр Михайлович, вас и так уже заждались.

Как только старик и девушка скрылись за углом, Нюшка набросилась на товарища:

— Ты чего не упросил их, почему не спел? Они бы послушали тебя, да и взяли! А теперь что делать будем? Я одна не пойду.

— Как это так — не пойду? Ты, Нюшка, даже не думай отказываться. Желание же пропадет!

Девочка устала на Коську:

— Ты что, свое желание на мою мечту истратил?

Мальчик улыбнулся, вытянул из-под рванины золотого жука, открыл. Внутри оказался сложенный газетный обрывок с выведенными химическим карандашом буквами: «Пусть Нюшка станет артисткой».

— Что ж ты, дурной, наделал! Тебе же самому надо было! — укоризненно шептала Нюшка.

Коська отмахнулся, снял с шеи драгоценный талисман, протянул девочке.

— Меня мама и так заберет, — уверенно сказал он. — Без желаний. А тогда, сама подумай, зачем мне эта школа? Ты — другое дело. Сирота, без родителей, позаботиться некому. Иди, не сомневайся. И медальон при себе держи — мало ли что. Звездочет-то, видишь, не соврал — есть в нем сила...

На фронте одного из обступивших Сухаревку зданий трепетал под порывами резкого осеннего ветра кумачовый плакат «Да здравствует 6-я годовщина Великой пролетарской революции!».

Высокий парнишка с лотком свернул в переулок — там тоже были натянуты транспаранты, развевались прикрепленные к стенам красные флаги. Со стороны Лубянки неслась бодрая духовая музыка. Лужи морщились мелкой рябью, мокрые желтые листья липли к подошвам.

— Жердяй! — окликнул за спиной звонкий голос.

Лоточник обернулся. Худенькая, коротко стриженная девочка стояла в пяти шагах, заслоняя лицо от ветра поднятым воротником казенного черного пальто.

— Какой я вам Жердяй, барышня, — недовольно буркнул парнишка. — Чего надо?

Девочка шагнула ближе, обдала взглядом знакомых синих глаз, улыбнулась прежней радостной улыбкой:

— Не узнал? Это же я, Нюшка!

— Малая?.. — Жердяй отступил слегка, оглядел бывшую оборвашку. — Ишь какая стала! Где же тебя теперь признать — новая одежда, умытая рожа... Чего так давно не приходила?

— Так не пускают же нас одних-то! — виновато объяснила Нюшка. — Сегодня повезло — на демонстрацию повели, я в толпе и сбежала.

— А не попадет?

— Конечно, попадет, — беспечно ответила Нюшка. — Да и пусть. Соскучилась я по Сухаревке — сил нет! Два месяца здесь не была... Как живешь-можешь, что новенького?

— Живем помаленьку, — пожал плечами Жердяй. — Пора мне, малая, бросать эту коммерцию — два раза уже фининспектор подходил, интересовался, сколько мне лет, да что, да как. Получу пачпорт, враз налогом обложат.

— И куда ж ты пойдешь?

— Мало ли... А ты все поешь?

— Пою...

Помолчали.

— А Коська-то где? — спросила, опять улыгнувшись, Нюшка. — Обещал приходиться проведывать, а сам так ни разу и не навестил.

— Так ты что, не знаешь ничего? — Подросток отвел глаза. — Помер Коська-то. Месяц назад. Простыл сильно, горячка началась. Три дня один на чердаке без еды, без воды провалялся. Пока я хватился его, пока нашел — он уже совсем плохой был. В больнице и помер. Врачи сказали — поздно я его принес. На день бы раньше — может, и спасли бы.

Нюшка смотрела на Жердяя блестящими от слез глазами.

— Как же так? — еле слышно произнесла она. — А я-то думала — раз не приходит, значит, и правда мать-графиня в Париж забрала.

Жердяй взглянул непонимающе:

— Ты о чем, малая? Чья мать-графиня? В какой Париж?

— Ну, ясное дело, Коськина — она же графского рода.

— С чего ты взяла? Прачка она у него была, это тебе в Марьиной любой скажет. По людям ходила, белье стирала, да и от другой поденной работы не отказывалась. Мы соседями раньше были, я ее хорошо помню.

— А что с ней стало?

— Коськин отец по пьянке насмерть забил. Тогда Костян в бега и ударился. А ты говоришь — графского рода!

Девочка потрясенно молчала. Потом, вспомнив что-то, недоверчиво мотнула головой:

— Подожди, если он не из благородных, почему же воровать отказывался?

— Кто же теперь скажет! — по-взрослому вздохнул Жердяй. — Ну, будь здорова, малая, не хворай. Учись в своей школе. Будешь петь в Большом — приду к тебе за контрамарочкой.

Нюшка проводила знакомя взглядом, отступила к стене. Вытянула за цепочку медальон, выудила из-под выпуклой крышки клочок бумаги, разжала худые, покрасневшие от холода пальцы...

К полуночи тучи над Москвой разошлись, сильно похолодало. Загулявшие граждане, несмотря на позднее время, продолжали праздновать годовщину революции — на улицах визгливо пели под гармошку, из освещенных окон слышались звуки патефонной музыки, пьяные застольные голоса.

Рыночная площадь почти опустела, только на трамвайной остановке ребята из ФЗУ смеялись и перешучивались с озябшей продавщицей пирожков. В Сретенском тупике ветер раскачивал фонари, шуршал подмерзшими листьями, гонял, крутя и подбрасывая, мятый обрывок тетрадного листа с расплывшимися от уличной сырости каракулями: «Пусть Коська скорее встретится с мамой». Черный прямоугольник Сухаревской башни казался зловещим провалом в звездном небе, входом в притаившуюся за мерцающим сводом бездну, пожирающую беззаботно гуляющих по улицам жареных цыплят.

